

«НЕУМЕСТНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ О СРЕДНЕВЕКОВОЙ АВТОБИОГРАФИИ» П.М. БИЦИЛЛИ И «БИОГРАФИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ» В СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРИСТИКЕ

© 2024 г. И.В. Голубович

Аннотация: Статья посвящена анализу формирующегося в ранней работе П.М. Бицилли «Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII века» (Одесса, 1916) методологического подхода к изучению автобиографии. Ученый анализирует хорошо известный в профессиональном кругу источник — «Хронику» обычного францисканского монаха Салимбене в новой исследовательской оптике, выявляя на ее примере «духовный строй» индивидуума и эпохи, элементы религиозного и культурного «фонда», особенности личного самосознания «среднего человека» и гения, «зародыши» автобиографического самоанализа и т. д. Теоретические интуиции этой работы соотносятся с проблематикой современного «биографического поворота», который мы рассматриваем на двух уровнях: Kehre и Turn, а также с «онтологией биографии» — экспликацией исходных социокультурных презумпций (универсалий) существования биографии в истории (коммуникационная компетентность человека рассказать о себе как о неповторимой индивидуальности, изоморфизм событийного и нарративного измерений жизни, рационализм, индивидуализм и т. д.).

Ключевые слова: П.М. Бицилли, Салимбене, автобиография, поворот, Kehre, Turn, онтология биографии, личное самосознание, духовный строй эпохи, культурный фонд.

Информация об авторе: Инна Владимировна Голубович — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии, Одесский на-

циональный университет им. И.И. Мечникова, ул. Дворянская, 2, 65000 г. Одесса, Украина.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3459-3417>

E-mail: golubinna17@gmail.com

Для цитирования: Голубович И.В. «Неуместное отступление о средневековой автобиографии» П.М. Бицилли и «биографический поворот» в современной гуманитаристике // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 2: П.М. Бицилли и гуманитарная наука русского зарубежья / сост. М.А. Васильева, науч. ред. М.А. Васильева, А.В. Бакунцев, ред. А.В. Протопопова, М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 285–315.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-285-315>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

“INAPPROPRIATE DIGRESSION ABOUT MEDIEVAL AUTOBIOGRAPHY” BY PIOTR BITSILLI AND “BIOGRAPHICAL TURN” IN MODERN HUMANITIES

© 2024. Inna V. Golubovich

Abstract: The article is devoted to the analysis of Piotr M. Bitsilli’s first book “Salimbene. Essays on the Italian Life of the 13th Century” (Odessa, 1916) in the light of the new methodological approach to the study of autobiography that has begun to take shape during this period. The scholar analyzes a well-known source in the professional community, the “Chronicle” of the ordinary Franciscan monk Salimbene with a new approach, revealing by this example the “spiritual structure” of the individual and the epoch, the elements of the religious and cultural “foundation”, the characteristics of the personal identity of the “ordinary person” and genius, the “germ” of autobiographical introspection, etc. The theoretical intuitions of this work correlate with the problems of the modern “biographical turn”, which we consider at two levels: Kehre and Turn, as well as with the “ontology of biography” — an explication of the basic sociocultural presumptions

(universals) of the existence of biography in history (communicative competence of the person to tell about himself/herself as about unique individuality, an isomorphism of the event/action and narrative/expression dimensions of life, rationalism, individualism, etc.).

Keywords: Piotr M. Bitsilli, Salimbene, autobiography, Kehre, Turn, ontology of biography, personal self-consciousness, spiritual mindset, cultural foundation.

Information about the author: Inna V. Golubovich, DSc in Philosophy, Professor, Head of the Chair of Philosophy, I.I. Mechnikov Odessa National University, Dvorianskaya St. 2, 65086 Odessa, Ukraine.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3459-3417>

E-mail: golubinna17@gmail.com

For citation: Golubovich, I.V. “‘Inappropriate Digression about Medieval Autobiography’ by Piotr Bitsilli and ‘Biographical Turn’ in Modern Humanities.” *Emigrantica*. Moscow, IWL RAS Publ., 2024. Issue 2: Piotr M. Bitsilli and the Humanities of the Russia Abroad, comp. M.A. Vasilieva, sci. ed. M.A. Vasilieva and A.V. Bakuntsev, ed. A.V. Protopopova, M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 285–315. (In Russian)
<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-2-285-315>

Эта статья родилась на пересечении нескольких исследовательских интересов, на пути моего собственного «приближения к Бицилли» (если воспользоваться образным выражением известного одесского историка-методолога Т.Н. Поповой, исключительно много сделавшей для того, чтобы очертить контуры «бициллиеведения» на пестрой междисциплинарной карте современной гуманитаристики [22; 23; 30].

Во-первых, определенную роль в этом приближении сыграли многолетние штудии в области теоретической биографистики, постижения философских глубин и загадок биографического жанра/жанров, биографического дискурса и биографических практик культуры, осмысление «онтологии биографии» [8; 9; 10; 11; 12; 13]. Во-вторых, — давний интерес к творчеству еще одного выдающегося выпускника историко-филологического факультета Императорского Новороссийского университета (ИНУ) в Одессе — Г.В. Флоровского (1893–1979), подружившегося с П.М. Бицилли в студенческие годы и сохранившего эту дружбу в эмиграции, по крайней мере,

в ранний ее период. Этот интерес привел к созданию научно-образовательного центра имени Г.В. Флоровского в Одесском национальном университете (ОНУ) имени И.И. Мечникова в 2009 г., одной из задач которого стало изучение традиции историко-филологического факультета ИНУ. Именно так, от ученика к учителю, началось мое собственное «приближение к Бицилли».

Личное и эпистолярное общение П.М. Бицилли с Г.В. Флоровским, его братом Антонием и сестрой Клавдией, непростой, но всегда плодотворный диалог между двумя мыслителями, стали темой нескольких наших публикаций совместно с болгарской исследовательницей Т.Н. Галчевой [6; 7; 14]. И эта тропка — от Флоровского к Бицилли, которая разветвлялась на множество тропинок-тем, все равно вела к осмыслению феномена автобиографии в истории, понимания изоморфизма/гомологии истории и автобиографии, которое в качестве принципиальной установки разделяли два выдающихся представителя университетской корпорации дореволюционной Одессы.

В рамках деятельности Центра имени Г.В. Флоровского мы с коллегами выпустили сборник «Curriculum Vitae», посвященный творчеству П.М. Бицилли в контексте гуманитарной традиции Одесского университета, где я впервые попыталась рассмотреть комплекс идей ученого, связанных с осмыслением им феномена автобиографии и связать этот комплекс с «биографическим поворотом» в современной гуманитаристике [15].

Вернуться к этой теме через 10 лет меня побудили два соображения. Во первых, стремление глубже разобраться в проблематике «биографического поворота», равно как и в сути фигуры «поворота» в целом [16]. Во-вторых, за эти годы появились новые публикации по бициллиеведению, в том числе монографические [1; 3; 23; 24]. Меня прежде всего интересуют те из них, где соединились обе исследовательские линии — изучение жизни и творчества П.М. Бицилли и новые горизонты биографического жанра («биоисториографии») в свете существенных трансформаций междисциплинарного пространства гуманитаристики. Среди авторов, которые вдохновили меня на повторное обращение к теме, с благодарностью и признательностью выделяю моего университетского педагога, профессора исторического факультета Одесского национального университета Т.Н. Попову, представившую в последние годы научному сообществу две книги, в которых теоретически осмыслены сразу два интересующих нас сюжета [22; 23].

Проблематика, связанная с феноменами биографии и автобиографии, стала одной из центральных в современной гуманитаристике. Биографический подход в многообразии своих проявлений приобрел сегодня статус междисциплинарного. В этой связи стоит говорить о своеобразном «биографическом повороте» в сфере Humanities, истоки, основания и контуры которого нуждаются в осмыслении. П.М. Бицилли в своей первой крупной работе «Салимбене (Очерки итальянской жизни XIII века)», написанной на основе магистерской диссертации, сделал феномен средневековой автобиографии предметом специального анализа [33, с. 233–526; 34]. В настоящей публикации мы попытаемся реконструировать «автобиографическую» составляющую творчества выдающегося ученого, гуманитария широкого профиля в контексте современного «биографического поворота».

Прежде чем обратиться к «биографическому повороту» выделим некоторые важные для нас характеристики феномена «поворота» как такового. Чаще всего для его обозначения используется два слова — немецкое «Kehre» и английское «Turn». «Kehre» использует в новом авторском смысле М. Хайдеггер, делая его названием своего «поворотного» доклада, ознаменовавшего поворот в творчестве самого мыслителя [41, с. 3–14]. В 1949 г. он в поисках «другой публичности», вдали от «запаха академических конюшен» [25, с. 511–512] выступил в неформальном, дорогом и респектабельном, «Бременском клубе» элиты бизнеса с серией из четырех докладов, объединенных названием «Прозрение в то, что есть» («Вещь», «Постав», «Опасность», «Поворот») [25, с. 511–535].

Старонемецкое *die Kehre* — поворот как извилина дороги, соскок с поворотом — теперь означает перемену (судьбы), рубеж, порог (о времени) [22, с. 76, 36; 41, с. 5–6]. Это — «выход к иному простору и зову» и смена локализации истинности [28, с. 83] (нам особенно важен модус «смены локализации истинности» в процессе протекания жизни в фактичности жизненного мира и пограничных ситуаций). Это — конституирование «нового предмета» (прояснение и пересмотр способов опредмечивания и одновременное «оголение» поля до-предметного региона бытия). Это — новая онтология, поднятая в кантовском смысле как фундаментальные условия возможности (опыта, данности, представленности), «переворачивание» (*kehrt um*) привычного смысла языка. Это и вхождение в «сферу опасности», внутри которой и таится возможность поворота, когда «истина бытия в его существе вернется в область сущего» [41,

с. 255]. М. Хайдеггер обращается к любимому им Ф. Гёльдерлину, чтобы его поэтическими строками из гимна «Патмос» выразить связь поворота-Kehre с опасностью: «но где опасность, там вырастает и спасительное» [41, с. 255]. Это — «прозрение в то, что есть», «прозрение как озарение, событие поворота в сущностной констелляции самого бытия» [41, с. 257]. Далее этот магически заволакивающий концепт начинает свою собственную смысловую историю, в той или иной мере отрываясь от хайдеггеровского истока, и начинает обозначать радикальную смену взгляда.

Концепт *the Turn* принято связывать с именем Р. Рорти, провозгласившего «linguistic turn», ставший паттерном для всех других «поворотов» [31]. Turn — это уже самые разнообразные интеллектуальные движения в разных направлениях и дисциплинах, исходной основой которой является глубинный и радикальный Kehre, который на уровне Turn может оставаться непроясненным или псевдоистолкованным. Turn затрагивает отдельные тематически-проблемные регионы, что и фиксируется в соответствующих названиях: лингвистический, культурный, постметафизический, онтологический, антропологический, коммуникативный, диалогический, пространственный, перформативный, постколониальный, визуальный, иконический и т. д. Это — серьезные изменения в методологии гуманитарных наук с высоким синтезирующим потенциалом, это — формирование новых «интеллектуальных полей». В отличие от Kehre, Turn нельзя не заметить, эти повороты провозглашают свои громкие манифесты, создают собственные эпистемы, языки, диктуют интеллектуальную моду, формируют свои дискурсы, равно как и общий «дискурс поворотов», подобный «дискурсу смертей» («смерть человека», «смерть автора», «смерть героя», «смерть рассказчика» и т. д.). Можно согласиться с мнением А.А. Полонникова о том, что поворот лишен самостоятельной онтологии и выступает как продукт социальной конвенции, обеспечивая идентификацию и интеграцию связанных с ним сообществ [21], но только лишь в отношении Turn, а не фундирующего его Kehre.

О «биографическом повороте» можно говорить в двух указанных модусах. В отношении биографии такая парадоксальная смена аспекта в интеллектуальном движении, которое мы обозначаем как «новый биографизм», заключается в утверждении новых начал через тотальное (либо кажущееся тотальным) отрицание биографизма (биографического подхода, биографического метода) как такового. Здесь возникает неразрывно связанный с Kehre мотив опасности-спасения. Провозвестники «нового биографизма» (условно

назовем его «биографическим Kehre») выглядели как могильщики биографического метода, демонстративно отрицая познавательные возможности и непомерные притязания этого метода. Однако на деле они словно бросали спасательный круг биографии и биографизму. Это, к примеру, М. Пруст и М.М. Бахтин.

Так Бахтин, резко критиковавший биографический метод, как «продукт органических эпох», одновременно предложил концептуальные основания «нового биографизма», фиксирующего переориентацию внимания с «внешней биографии» на биографию внутреннюю, событийную, соотнесенную с философией поступка [26; 27]. Бахтин ставил биографический подход в один ряд с вульгарно-социологическим и причинным объяснением в духе естественных наук. Более того, в указанной позитивистской установке биографический анализ оказывался в одном ряду с «деперсонифицированной историчностью» «историей без имен» [32, с. 365]. Этому подходу М. Бахтин попытался противопоставить иную архитектуру биографического описания. Не отказываясь от процедуры понимания как таковой, он отказывается от «наивно-реалистического» ее толкования (вживание, вчувствование, удвоение переживаний другого во мне), а предлагает «сочувственное понимание»¹, использующее бытийное положение «понимающего автора» вне внутренней жизни другого. В установке сочувствующего и сопереживающего понимания автору дано обнаружить в жизни героя события «индивидуального преломления и уплотнения смысла, облечение его во внутреннюю смертную плоть...», так и «идеализировать, героизировать, ритмизировать» их [32, с. 91].

Сходной в указанном смысле была траектория отношения к биографическому у М. Пруста: он резко выступил против «биографического метода» Сент-Бева и одновременно всю свою жизнь разгадывал тайны и загадки автобиографической памяти. Французский писатель представил в 1909 г. эссе «Против Сент-Бева» [39] — из него впоследствии вырос многотомный роман «В поисках утраченного времени», который Пруст писал до конца жизни. В новом типе романа — романе «потока сознания» — воплотился и «новый биографизм», подобный бахтинскому (по отношению к Прусту корректнее говорить именно о «новом автобиографизме»).

Итак, «новый биографизм» как теоретико-методологическое основание современных гуманитарных исследований ориентирует на то, чтобы в биографических и автобиографических актах видеть

¹ Здесь выделено мной — И.Г.

именно внутреннюю историю духовой жизни, «внутреннюю плоть смысла» [32, с. 97]².

Об онтологии биографии, поиске ее фундаментальных основ, укорененных в универсалиях культуры, размышляет украинский философ А.Л. Валевский в работе «Основы биографики» [4]. Берем-ся утверждать, что это как раз режим «биографического Kehre» как новой онтологии. Автор конституирует «онтологию биографии», выявляет исходные презумпции существования биографии в истории и социокультурном бытии. Это набор условий, обеспечивающих возможность текстуального представления индивидуального.

Если мы не обнаружим этих биографических/автобиографических предпосылок или обнаружим в искаженном, деформированном виде, — мы фиксируем опасность, грозящую европейской культуре как таковой и, возможно, на пути спасения. Среди этих условий и фундаментальных допущений: а) коммуникационная компетентность человека рассказать о себе как о неповторимой индивидуальности; б) такое состояние самоидентификации личности, которое позволит ей ответить на вопрос «кто я?», и одновременно наличие возможностей для биографа сказать о своем персонаже «кто он (она)?».

В целом онтологическими предпосылками биографической традиции предстают в этом варианте два «кита» — рационализм и индивидуализм. Мы в свою очередь также рискуем представить две конститутивные презумпции онтологии биографии: принцип внутренней онтогерменевтичности жизни («жизнь толкует жизнь» у В. Дильтея) и идея неразрывной связности (гомологии/изоморфизма) истории-как-свершения и истории-как-рассказа /нарратива, то, что у М. Хайдеггера различается как *Geschichte* и *Historia*.

О поворотах в модусе «Turn» и о биографическом повороте пишет в своей новой книге «Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия» (2019) одесский историк Т.Н. Попова в разделе «О “поворотах” и дисциплинах» [22, с. 54–90]. В этой же книге мы обнаружим и раздел «Бициллиеведение» [22, с. 322–228]. И такое соседство персонцентричного и предельно обобщающего, теоретико-концептуального в самом высоком абстрагирующем регистре под одной обложкой, на наш взгляд, не случайно.

Biographical turn формирует достаточно широкое междисциплинарное «интеллектуальное поле», способствует биографическому ренессансу в разных гуманитарных дисциплинах. Обобщая различ-

² Подробнее о «новом биографизме» см. в нашей работе: [12].

ные опыты рецепции этого поворота, исследовательница резюмирует: биографический поворот — явление значительной длительности, стадияльно различимое спецификой биографического подхода, который в свою очередь меняет свою теоретическую и методологическую нагруженность, не порывая, однако, с разнообразными традициями и вбирая в себя различные элементы междисциплинарного «общего рынка» (Ф. Бродель).

Один из аспектов биографического поворота связан с логикой развития научно-исследовательских программ (в частности, в истории философии, как предлагает рассматривать известный украинский философ В.И. Менжулин [29, с. 61–63]. Сначала биография рассматривается представителями какой-либо традиции как внешний, периферийный аспект, а затем входит в «жесткое ядро» традиции превращается во «внутренний, фундаментальный аспект ее истории» [22, с. 62]. Одновременно подчеркивается, что биографический поворот, хоть и стал достаточно масштабным и респектабельным явлением в современной гуманитаристике, все же не имеет самостоятельного статуса, его смысловое проявление — дополнительность к другим теоретическим моделям, там, где необходимо подчеркнуть уникальность и неповторимость индивидуальной жизни, личность во всей ее многомерности и многогранности.

С этим современными утверждениями и вопрошаниями обратимся теперь к текстам П.М. Бицилли, который в драматическом диалоге со своими современниками способствовал свершению «методологического переворота» в гуманитарном знании, приближая его к уникальной индивидуальности, конкретной и целостной жизни, к биографическому и автобиографическому опыту.

В центре нашего внимания — работа о самом обыкновенном средневековом монахе-францисканце, о фре Салимбене, вышедшая в Одессе в 1916 г. История создания книги и ее контексты реконструированы в монографии М.А. Бирмана «П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество» [3, с. 46–48]. Первые отклики на «Салимбене» в связи с современными спорами об отнесении П.М. Бицилли к петербургской школе медиевистики проанализированы в статье А.В. Свешникова и А.И. Ключева «П.М. Бицилли и петербургская школа медиевистики. Вместо предисловия» [18]. Авторы также впервые представили отзыв главы петербургской школы И.М. Гревса на книгу одесского историка [35].

Монография «Салимбене (Очерки итальянской жизни XIII века)» была опубликована в «Записках Историко-филологического факультета Императорского Новороссийского университета» (вып. 12) [34], затем П.М. Бицилли представил ее в качестве магистерской диссертации на историко-филологический факультет Петроградского университета. 22 мая 1917 г. здесь состоялась защита, по итогам которой автору диссертации была присвоена ученая степень магистра всеобщей истории. Официальными оппонентами выступили профессора И.М. Гревс и Д.К. Петров, оппонентом «от публики» — Л.П. Карсавин [3, с. 389].

И.М. Гревс в своем отзыве о «Салимбене» подчеркнул, что это исследование питалось вынесенными из возглавляемого им «средневекового семинария» «мотивами научной работы» и с радостью встретил «такие нити взаимного единения» [3, с. 395]³.

Мы вычленим в «Салимбене» те идеи, методологические подходы и исследовательские приемы, которые соотносятся с проблематикой «биографического поворота». Важные для нас теоретические позиции выражены во «Введении» и в главе «Автобиография». Сразу отметим, что сам Бицилли считал интересующие нас акценты некоторым отступлением («неуместным отступлением») от научного канона, принятого в исторической науке вообще и в медиевистике, в частности.

Так мне пришлось решиться на длинное и в общем плане работы *неуместное отступление* о средневековой автобиографии, потому что без этого я не мог бы выяснить как следует особенностей автобиографической части хроники. В результате получилась нагроможденность деталей, давящих целое (курсив мой. — И.Г.) [33, с. 240].

То, что сам Бицилли артикулировал как «неуместное отступление о средневековой автобиографии», разрушающее стройность изложения, сегодня в свете иных запросов и вызовов гуманитаристики в разных ее дисциплинарных регионах оказывается самым ценным, вписывается в «биографический поворот», является смысло- и формообразующим ядром текста о Салимбене.

Указание на некоторый риск и, возможно, неуместность превращения ординарного, ничем не примечательного фра Салимбене в героя исторического исследования неявно присутствует и в упоминанном уже отзыве И.М. Гревса:

³ О «схоларной» принадлежности П.М. Бицилли гревсовскому кругу речь здесь не идет.

У автора чувствуется живой интерес к его герою (если не *опасно* приложить такой образ к фигуре Салимбене) и особенно живая любовь к прошлому страны, к числу многокрасочных сынов которой принадлежал своеобразный писатель (курсив мой. — И.Г.) [35, с. 395].

Гревс критикует и «разбегающуюся» архитектуру текста, частичную «утрату единства задачи»:

...историк не вполне выдерживает и додерживает принятую исходную точку и ориентировку исследования и несколько разбегается в разные стороны, теряя единство задачи. Он то говорит (мы видели), что Салимбене ему важен для уяснения культуры эпохи, то подчеркивает, что он интересен ему сам по себе [35, с. 397].

По мысли Гревса,

ученого специалиста книга П.М. Бицилли натолкнет на многие любопытные и важные добавочные, может быть, пропущенные пункты, если тема и эпоха, избранные им, касаются его интересов, даст повод нечто исправить и пересмотреть, нечто фиксировать вниманием [35, с. 395].

А в современной перспективе в восприятии книги Бицилли происходит смена смысловых акцентов. Это уже не просто фиксация и уточнение любопытных добавочных деталей. И на «любопытные детали», попавшие в водоворот Kehre, пережившие «смену локализации истинности» [28, с. 83], падает новый свет. Разбегающиеся же тропинки текста как раз и вели к тому самому просвету.

Итак, П.М. Бицилли намечает возможности «иной жизни» в науке для хорошо известного источника по политической и культурной истории Италии, перспективы его современного прочтения. Связаны же эти надежды на своеобразный «ренессанс» хроники Салимбене как раз с теми ее особенностями, которые с позиций традиционной «событийной» истории выглядели как существенные недостатки.

Салимбене — самый ординарный, ничем не выдающийся исторический персонаж. Правда, ему довелось выполнять важные дипломатические поручения и знать в связи с этим выдающихся деятелей своей эпохи и даже столоваться с Людовиком XI. В этом

и ценность свидетельства безвестного автора, об истории жизни которого по другим источникам почти ничего не удалось узнать. Зато Салимбене очень подробно описывает собственную жизнь сам. Его хроника изобилует автобиографическими элементами, и в этом еще один ее недостаток — она слишком субъективно свидетельствует об объективных фактах.

Историки XIX в., тщательно изучившие хронику, вынесли вердикт: восстановить реальную биографию Салимбене невозможно, поскольку нельзя узнать истину о жизни человека только по тем сведениям, которые он дает о себе сам. Не стоит обозначать их позицию как сугубо позитивистскую и объективистскую. Их интересовала не только внешняя биография, но и внутренняя история монаха, история его души. Однако реализовать этот интерес без знания точных дат и событий жизни они не считали возможным. Бицилли, учитывая обрывочность, неполноту источника, множество умолчаний, содержащихся в нем, ставит задачу в другом ракурсе.

Я беру внутреннее «Я» Салимбене, так сказать в поперечном разрезе, — в ту пору, когда он, перевалив за шестой десяток, принялся писать свою хронику [33, с. 235].

Таким образом, центр исследовательского интереса смещается от героя автобиографии к ее автору.

Работа П.М. Бицилли демонстрирует гармоничное, сбалансированное, взаимодополняющее соотношение между двумя измерениями историко-культурной реальности: личность и исторический процесс. Тезис ученого о том, что «личность есть в конце концов единственный реальный фактор исторического процесса» [33, с. 235], еще не означает, что личность становится самодовлеющим предметом анализа. Главное исследовательское усилие направлено все-таки на реконструкцию мировоззрения, мироощущения, умонастроения, религиозного и культурного «фонда эпохи», «картины мира», — того, что вскоре будет названо словом «ментальность». А путь к пониманию этой неуловимой и трудноопределимой социокультурной материи, по мнению Бицилли, лежит через отдельную личность, выражающую себя и говорящую о своем времени в тех автобиографических формах, которые данному времени присущи.

Еще один выдающийся выпускник историко-филологического факультета Новороссийского университета Г.В. Флоровский, младший друг П.М. Бицилли, многие годы состоявший с ним в переписке, сходным образом понимал данную проблему. Скорее всего, эта

сродность в главных мировоззренческих и исследовательских приоритетах не была случайной. В 1923 г. Флоровский напишет в своей работе «Метафизические предпосылки утопизма»:

В некотором смысле всякое мировоззрение есть автобиографическое повествование, рассказ и отчет об увиденном и услышанном, описание пережитого опыта. Но было бы превратно понимать этот опыт психологически и субъективно. Опыт есть реальное предметное касание, «выхождение из себя», встреча, общение и сожительство с «другими», с «не-я» [40, с. 197–98].

К перекличке двух выдающихся представителей историко-филологического факультета ИНУ, оказавшихся в эмиграции, мы еще вернемся.

П.М. Бицилли интересуется «средний», «типический», и даже «пошлый» Салимбене: он

поверхностен и мелочен; он не умеет сосредоточиться и уйти с головою во что-либо. Его интересует все, что угодно. В его мелкой и невозмутимой душе отражаются, как на глади пруда, все впечатления, которые давал ему его богатый содержанием век, и все бури этого века подергивают ее легкой рябью [33, с. 236].

Весь репертуар «предметных миров» эпохи, которые могут быть избраны для индивидуально-личностного «обитания» отражаются в «ординарном», «дюжинном» сознании и автобиографическом свидетельстве.

В начале прошлого века методология работы со «средним», «типическим» индивидуальным сознанием эпохи только начинала складываться, она была предметом дискуссий. Одна из них представлена на страницах исследования П.М. Бицилли, который уточняет свое понимание в полемике с Л.П. Карсавиным, анализируя его книгу «Основы средневековой религиозности XII–XIII веках преимущественно в Италии», вышедшую в 1915 г. [37]. Л.П. Карсавин, изучая «религиозный фонд» эпохи оперирует понятием «носителя религиозного фонда» — предполагаемого «среднего человека». Он считает методологически необходимым изучать «среднее (религиозный фонд)» по индивидуумам, через личностное измерение культуры познавать ее надындивидуальные феномены. При этом в качестве «средних» и «типических индивидуальностей» предстают прежде всего выдающиеся персонажи эпохи, а типическое понима-

ется как «распространенное», «бросающееся в глаза» и даже «гипертрофированное».

Глава петербургской/петроградской школы медиевистики И.М. Гревс радикально критикует «принцип среднего человека»:

Об этом фантастическом среднем человеке говорить не буду: о несостоятельности этого понятия, самой его сути и как руководящей историческим исследованием методической идеи я высказывал свое мнение в рецензии на магистерскую диссертацию г<осподина> Карсавина и дополнил свое построение на его докторском диспуте. Кроме того, проф<ессор> Н.И. Кареев в статье о докторской работе Карсавина («Русские заметки») вполне ясно показал пустоту этого принципа. Можно только пожалеть, что «средний человек» продолжает смущать мысль историков [35, с. 396].

Тем не менее П.М. Бицилли «смущается» принципом «среднего человека», однако вносит существенные уточнения в карсавинский вариант. Бицилли критикует его за то, что в размышлениях о «типичности» и даже «гипертипичности» героев эпохи здесь акцент сделан на количественные параметры. В частности, в примере, приводимом Бицилли по тексту Карсавина, великие подвижники духа — «более мистики», «сильнее мистики», чем самые обычные «тоже мистики».

То, что «типично» для целой толпы галлюцинов, неврастеников и кликуш, вовсе не «типично» для героев духа, выработавших свои особые пути приближения к Богу. <...> Нельзя сказать, чтобы св. Бернард был «более мистиком», «сильнее мистиком», чем какая-нибудь сестра Адельгейда. Но он — мистик по-иному [33, с. 237].

Различие не количественное, а качественное. Каждый из «малых сих» представляет свою эпоху по-иному, создавая свою неповторимую конфигурацию из «общего культурного фонда эпохи». А историк наблюдает эту конфигурацию как «причудливую игру более или менее искаженных идей в пределах индивидуального сознания “среднего человека”, идей самого разнообразного происхождения и характера», как удивительную способность «включить в свой умственный и нравственный обиход множество духовных ценностей, руководствуясь исключительно их “авторитетностью”», как потрясающее умение «обывателя» нагромоздить в своей квартире «всех “Людвиков”», не особенно беспокоясь о единстве стиля» [33, с. 239].

Автобиография Салимбене как раз и позволяет феноменологически, в режиме микровидения описать эту социокультурную практику («габитус» в терминологии Бурдьё) «всеядности», превращения идейных, политических, религиозных «бурь эпохи» в «легкую рябь» разностильных «Людовиков». И в этом смысле хронике Салимбене просто нет цены.

Бицилли подчеркивает, что автобиография среднего человека для эпохи Средневековья — отнюдь не ординарное явление. Для XIII в. этот документ — почти единственный памятник такого рода. Историк ищет главный предмет своего вопрошания о нем: «...я считал исторически интересным изучение духовной природы этого “среднего человека”» [33, с. 236]. Он использует термин «духовный строй»⁴ эпохи и подчеркивает, что вопрос о «духовном строе» должен решаться по-разному в отношении «выдающихся индивидуальностей» и их простых современников. Если упростить мысль Бицилли до схемы: гении создают духовный строй, современники усваивали и осваивали брошенные гением идеи. Однако здесь нет никаких однозначных соответствий. Ученый говорит о «гениях компромисса», о «гениальной мере» как полумере (именно такой комплекс воздействует на массу).

Приступая к достаточно хорошо известному памятнику с новым для своего времени мировоззренческим и методологическим инструментарием, П.М. Бицилли говорит и о еще одном принципиальном затруднении — о «заколдованном круге», куда попадает любой исследователь «изучающий отдельную личность в целях характеристики ее эпохи» [33, с. 239]. Это хорошо известная фигура «герменевтического круга», имеющего разные модификации. В данном случае ставится задача реконструировать общие черты духовной жизни европейского средневековья (целое) через реконструкцию мировоззренческого, религиозного, культурного строя одного из ее представителей (часть). Однако предусловием такой реконструкции будет базовое представление об «общем культурном фонде». Круг замкнулся. Где же выход? Бицилли предлагает единственный возможный путь, еще не гарантирующий успеха: не приписывать своим предварительным концепциям окончательного значения. И это как раз то методологическое и методическое требование, которое воплощено в современных исследовательских стратегиях со-

⁴ Здесь и далее выделяем курсивом те слова и фразы, которые у Бицилли терминологически насыщаются.

временной гуманитаристики, выросших из практики работы с «личными», «человеческими», автобиографическими» документами.

И еще одно герменевтическое правило выполняется Бицилли при работе с «Хроникой» Салимбене: специфика предмета исследования диктует способы его описания. Историк сетует на то, что его работа страдает нестройностью изложения, неравномерностью частей, частыми отступлениями.

Некоторым оправданием послужит мне свойство источника, над которым я работал, и личность человека, которого я изучал. Хроника Салимбене так пестра по своему составу, касается такого множества предметов, ее автор прожил такую разнообразную жизнь, перевидал столько людей, вращался в столько общественных кругах, что мне поневоле пришлось, рассматривая Салимбене в связи с окружающей его обстановкой, делать экскурсии в самые разнообразные области [33, с. 240].

То, что в традиции классического типа науки видится как недостаток, в контексте современного этапа развития гуманитарного знания предстает как достоинство. Это подчеркивает и А.Ф. Лосев, предлагая в своей работе о биоисториографе античной эпохи Диогене Лаэртском апологию стратегии «пестрой смеси» и оду «привольности и беззаботности» его сумбурного стиля, «кувыркающегося» и «барахтающегося» в необозримой массе житейских и философских мелочей [38, с. 8].

Сила систематизации, генерализации, упорядочивания уступает здесь свои права власти понимания, сопричастности, конгениальности. П.М. Бицилли кажется, что он поддался «внешней форме» и даже внешней «бесформенности» своего источника и своего героя, потерпев определенное поражение. А нам представляется, что он воспроизвел «внутреннюю форму» жизни и текста своего негероического героя, что еще классики универсальной герменевтики называли «триумфом воспроизводящей конструкции», дающей надежду на то, что «у каждого смысла будет свой праздник возрождения» [32, с. 374]. На это, размышляя о Большом времени и о диалоге культур, нацеливал гуманитарное знание М.М. Бахтин — еще один знаменитый «студизус» историко-филологического факультета Императорского Новороссийского университета, слушавший многие курсы, но не зафиксированный ни в каких официальных документах (что одесские историки и библиографы Научной библиотеки ОНУ имени И.И. Мечникова неоднократно проверяли).

Бицилли интересно в автобиографии фра Салимбене обнаружить «мерку» *личного сознания* (выделяю курсивом то, что чревата концептуализацией и трансформацией в терминологию). Такой меркой становится «потребность и умение приглядываться к индивидуальным особенностям людей» или «степень охоты и умения говорить о себе» [33, с. 293]. Соотнесем такой прием с презумпциями «онтологии биографии», сформулированными А.Л. Валевским: а) набор условий, обеспечивающий возможность текстуального представления индивидуального; б) коммуникационная компетентность человека рассказать о себе как о неповторимой индивидуальности.

К этому умению у своего негероического героя, к его прорывам сквозь рутину и типизацию или, напротив, застревание в рутине и типизации, Бицилли предельно внимателен. Он по крупницам собирает в хронике те эпитеты и характеристики, которые дает фра Салимбене конкретным людям, с которым сводит его судьба. И оказывается, что положительные характеристики одинаковы для всех. И для брата Джакобино из Реджа, и для Джерадо из Модены, и для многих, многих, многих: он был человек благородный, щедрый, доброжелательный и любезный. Эти трафареты в свете онтологии биографии и онтологии культуры оказываются культурно-биографическими универсалиями и габитусами определенной эпохи. Сам Бицилли говорит об этом другими словами:

Мы присутствуем здесь таким образом при самой выработке трафарета <...> пользование готовыми формулами не было следствием неумения иначе выразить свою мысль. Не было оно и результатом неумения индивидуализировать [33, с. 295–296].

И именно здесь — в специфике обращения с трафаретными формами («литературными приличиями») в обозначении индивидуальной персоны у Салимбене есть неоценимые преимущества, и он оказывается настоящим героем культуры.

К счастью, Салимбене нередко забывает о литературных приличиях и пишет, передавая свои непосредственные впечатления, не считаясь с шаблонными образцами. Тогда сказывается его свойство, делающее его хронику таким драгоценным источником для нас, — его умение наблюдать. Наблюдение было незнакомо «типичному» средневековому человеку. Он смотрел внутрь, в себя, и <...> развил

в себе исключительную способность к самонаблюдению, но по отношению к окружающему миру он был глух и слеп [33, с. 296].

Салимбене, таким образом, оказывается гением повседневной наблюдательности — той культурной практики, для которой не хватало в репертуаре данной эпохи трафаретов и шаблонов.

С точки зрения генеалогии и структуры автобиографии важны термины, которые употребляет здесь Бицилли — «автобиографический элемент» и «автобиографический зародыш». Об «автобиографическом элементе» он говорит в связи с тем, что этот элемент вторгается в хронику больше, чем нужно. А «автобиографическим зародышем» ученый назвал заметки о собственных литературных произведениях у средневековых авторов, для которых в «культурно-историческом фонде» средневековья не нашлось вполне легитимного «права на биографию» (Ю.М. Лотман) [19], права на полноценную интеллектуальную автобиографию. Часто — это не просто перечень собственных писаний, но итог прожитой жизни, свидетельство того, что автор не желает остаться анонимным, что его «личное сознание» развивается и ищет язык своей репрезентации.

Чревата очень интересными расширениями ремарка Бицилли о редких средневековых «экземплях» отчета о собственной литературной деятельности («заботливости о своем литературном имени») как самостоятельных произведений — такова «Книжка о вздорных занятиях некоего глупца» Райнера, монаха Лайденского монастыря св. Лаврентия, где историк специально обращает внимание на фразу «*idiotia quidam*» в названии (какой-то идиот, некий идиот) [33, с. 304]. Если же обратиться к древнегреческому корню (греч. *idiotēs*) — отдельный человек, частное лицо, — «идиот» выступит как синоним индивида.

И далее во фрагменте, связанном непосредственно с Салимбене, Бицилли вновь возвращается к мотиву *idiotia*, но уже в смысловом сочетании с понятием «простоты», *simplicitas* [33, с. 315]. Он пишет о психологической ценности простоты в связи с освобождением от всего, мешающего непосредственному общению с божеством. Указывая на частое сочетание *simplex* с *idiotia* и *illiterates*, подчеркивается, что *simplex* (простак) — не глупец (*stupidus*), поскольку простоту следует понимать как оригинальность и самобытность, «единственная дозволительная форма, в которой мог свободно проявляться индивидуализм» [33, с. 316].

Еще один парадокс, нюанс, к которому Бицилли очень внимателен, — это смысловая связка «простота/самобытность», он вряд

ли увидится издалека, сквозь века, для этого надо войти в историческую ткань, погрузиться микрофизику культуры средневековья. И там искать ответы. «В среде, где личное сознание было трагедией для любого, доросшего до него, но убежденного в его греховности и необходимости его подавления, простаки не испытывают угнетения от своей оригинальности» [33, с. 316]. Простакон в этом смысле, не испытывающим угнетения от своей оригинальности и даже о ней не подозревающим, оказывается Салимбене.

В связи с анализом средневековой автобиографии Бицилли ставит вопрос о базовых «биографических презумпциях» культуры, и его размышления могли бы существенно обогатить любой серьезный современный разговор об онтологии биографии. Эти презумпции, вычлененные им из разнообразного корпуса средневековых текстов, таковы: «недопустимо говорить о себе без настоящей необходимости», публично «хулить себя непристойно», «хвалить себя или порицать — все равно, что давать ложное показание: никто не судья самому себе» [33, с. 301]. Исключение возможно лишь в двух случаях: когда нельзя умолчать о себе без опасности подвергнуться бесчестию (Бозций) и когда пример собственной жизни может стать поучением для других (Августин). Еще одна презумпция высказана вне зависимости от исторического контекста: для того, чтобы говорить о себе, требуется, чтобы собственная личность считалась предметом, достойным внимания и самостоятельного изучения. И тогда каждая историческая эпоха предлагает свою собственную шкалу самозначимости персоны, где у средневековья будут почти минимальные показатели, во всяком случае, во внешнем плане выраженности:

это условие, по-видимому, отсутствовало вполне или отчасти для многих средневековых авторов, оставивших нам сведения о себе. Поэтому они и не дали автобиографий в подлинном смысле слова [33, с. 302].

Также онтологическая презумпция (универсалия культуры) «личное сознание» по степени проявленности в той или иной исторической эпохе оказывается разной. И здесь необходимо прислушаться к неявным указаниям ученого на то, что не стоит верить внешним признакам присутствия (или недостатка присутствия) личного сознания в той или иной эпохе, как, например, в средневековую эпоху, где, как кажется на первый взгляд, этот элемент проявлен достаточно слабо. Однако необходимо обладать исторической и культуроло-

гической чуткостью, которой Бицилли, несомненно, обладал, чтобы усматривать неявное, опосредованное, но достаточно сильное присутствие «личного сознания» и в эту эпоху.

Уроки исторической чуткости хорошо усвоили историки культуры последующей эпохи, в частности, Л.М. Баткин, который очень тонко продемонстрировал наличие «личного чувства» любви в средневековье, которое «прячется» от глаз наших современников в складках культурных матриц и опосредований [2]. Бицилли ищет сгущенное «личное сознание» в сплетениях средневековой писательской автобиографии, Л.М. Баткин в данном тексте — в сплетениях высокой любовной переписки.

Бицилли представляет виды средневековой автобиографии: писательская автобиография и автобиография в форме исповеди. Он ставит вопрос о влиянии исповеди на форму биографии.

Влияние исповеди на форму автобиографии сказалось еще в одном отношении: автобиографы говорят о себе в третьем лице. Таким образом, «Ichform», пользуясь удобным немецким выражением, — в средневековой биографии обусловлена ее происхождением и сама по себе, следовательно, нисколько не служит показателем степени самосознания. Как раз наиболее преисполненный самоуважения автор, Гиральд, — говорит о себе в третьем лице. Но он не пишет исповеди [33, с. 309].

Историк, которого современные исследователи называют мастером микроанализа, «метода мелких наблюдений», постижения микрофизики истории и культуры, снова призывает быть внимательным к деталям и неочевидностям: очевидно, что личное самосознания связано с я-формой (*Ichform*), а на практике эта очевидность переворачивается — наиболее сильные акты самосознания в средневековых текстах нередко выражаются в форме третьего лица. За ясной и четкой формулой «исповедь дает форму автобиографии» [33, с. 309] следует детальная, но не громоздкая дескрипция этого культурного формотворчества и формообразования, его ступеней. Исследователь пишет о выработке *склонности* к самоизучению, воспитании *необходимых приемов и навыков*, составлении *образцов* самоисследования, *руководств* по индивидуализации каждого случая (например, трактат Бернарда Клервального (Клервосского) «*De interiore domo*»). Это то, что сегодня можно было бы назвать «практиками» и «хабитусами».

Но не только исповедь играет решающую роль в «выработке навыков самоисследования». Бицилли обращается и к средневековому

мистическому богопознанию, описывая на примерах (Руперт Дейцский, Гугон из аббатства св. Виктора, Бернард Клервальский) «духовный процесс» такого рода, данный тип «духовной дрессировки личности»: душа в «практических упражнениях» самоисследования и самопознания сосредотачивается на себе и познает Бога. При этом

слово *самопознание* имеет у мистиков другой смысл, чем у авторов руководств по покаянию. От кающегося требуется изучение своей *индивидуальной личности*, мистик познает не себя, а человека вообще... [33, с. 311].

И далее ученый добавляет — не только познавать, но и «осуществлять» понятие «человек», чтобы конкретная личность приблизилась к своему идеалу.

Снова здесь внимание к неочевидным и парадоксальным акцентам: в мистических практиках навык самоисследования непременно сопряжен с «умерщвлением плоти», но не в смысле самоистязания, а «искусственного притупления самой способности ощущать» [33, с. 311]. Мы же усилим этот акцент и поставим вопрос о специфике самоисследования и автобиографирования в культурных репертуарах разных эпох: прислушиваться к чувственному опыту, создавать рядом с автобиографией еще и «vita/zoï-графию» или притуплять «чувствилище»? Эта латентно присутствующая в тексте Бицилли дилемма персонифицирована у него фигурами св. Бернарда и фра Салимбене.

Бернард убил в себе самую способность ощущать. Его биограф рассказывал, как он постепенно освободился от власти восприятий. Постоянное упражнение в том, чтобы сделаться невосприимчивым к внешним раздражениям, стало для него привычкой, а привычка — натурой <...> Известно, как он целый день шел мимо Женевского озера и не заметил его [33, с. 312].

Св. Бернард умертвил в себе чувство любопытства, память его была занята другим. И рядом — Салимбене с противоположной стратегией: постоянно практиковать внешнее любопытство, любознательность, наблюдательность.

Громадный внутренний опыт, «автобиографические признания высокой ценности», которыми полны работы мистиков, достигаются высоким напряжением внутреннего внимания, удивительной способностью самососредоточения, придирчивым самоконтролем,

подчеркивает Бицилли и добавляет, что такие «автобиографические признания» вырываются из души помимо воли этих «тщательных судей и исследователей самого себя» [33, с. 312].

Точная и метафорически яркая фраза «автобиографические признания высокой ценности» произнесена ученым как бы в предчувствии термина, который вошел позднее в научный обиход — «духовная автобиография». Но если общераспространенный термин несколько рутинизируется и становится стереотипным, то у этой почти метафоры Бицилли гораздо больше шансов устоять у истоков невыразимого внутреннего опыта, где вопрос об отношениях «между словом и душою», «естественная потребность разобраться в пережитом и перечувствованном» [33, с. 312] — не академическая тема, а дело жизни. Между тем это пережитое — не что иное, как опыт высших экстазов, мгновений непосредственных касаний Бога, мгновений преходящих, после которых душа вновь возвращается к косной жизни. В связи с этим Бицилли пишет о появлении новой формы биографии, отдаляющейся от житий, и называет эту форму «опытом правдивой истории человеческой души» [33, с. 314]. Однако Бицилли ведет свое повествование так, чтобы у читателя не было соблазна «застрять» на полюсе персонологии, он все время возвращает нас к полюсу надындивидуального, «культурного фонда» эпохи. После рассказа о высших экстазах мистиков-гениев, он «заземляет» тему, подчеркивая, что индивидуализм отнюдь не был порождением мистики, а мистика — лишь одна из форм индивидуализма, рост которого объясняется «общим культурным подъемом» эпохи, общим «умственным движением», рождением гуманизма как нового направления.

В рамках ограниченной по объему публикации мы смогли коснуться лишь некоторых тем и сюжетов, методологических новаций «Салимбене», касающихся феномена автобиографии, от которых можно протянуть смысловые линии к современному биографическому повороту. Мы зафиксируем финальные принципиальные положения «неуместного отступления» о средневековой автобиографии.

«Чувство личности» (Selbstgefühl) этого периода пока еще не выходит за пределы готовности признать свои заслуги и достоинства, воздать самому себе хвалу за правильно выполненное житейское назначение. Его нельзя отождествлять с безусловным самоутверждением личности эпохи Возрождения. Человек XIII ст<олетия> мерит себя общепризнанной мерой и еще не обзавелся собственным аршином (курсив наш. — И.Г.) [33, с. 314].

В этом резюме целый букет терминов и метафор для автобиографического и аутопоэзисного лексикона.

Реконструкция целостной архитектоники универсума идей, концепций, интуиций П.М. Бицилли, касающихся феномена автобиографии, безусловно, требует тщательной дескрипции и аналитического объяснения исследовательского движения ученого от «неуместного отступления» о личном самосознании, *Selbstgefühl*, воплощенном в определенных типах автобиографии, до осознанного и хорошо артикулированного методологического кредо и даже «прославления» собственного метода «погружения в чужую психею»⁵.

Логически из всего вышеизложенного вытекает задача соотнесения методологических интуиций индивидуализации в «Салимбене...» со всем корпусом трудов П.М. Бицилли. Однако эта задача не может быть полноценно реализована в рамках одной статьи. В целом такая задача, обеспечивающая целостность, архитектурно-художественную завершенность рассматриваемой нами проблематики, уже в достаточной мере осуществлена в работах исследователей (см., например: [5]).

В заключение обратимся к статье болгарской исследовательницы Г. Петковой — единственной, насколько нам известно, тематизированной работе, в которой перекидывается мостик от «Салимбене» к более поздним сюжетам и героям — «Литературоведческий проект П.М. Бицилли: между Салимбене и Пушкиным (опыт реконструкции)» [20]. Не акцентируя специально внимания на феномене

⁵ Показательно в этом смысле обнаруженное нами в архиве Г.В. Флоровского, хранящемся в библиотеке Свято-Владимирской духовной семинарии (Крестовод, США), письмо П.М. Бицилли своему бывшему студенту от 17 ноября 1922 г. [см.: 7, с. 169–174]. Этот эпистолярный документ является по сути развернутой рецензией на магистерскую диссертацию Флоровского «Историческая философия Герцена», которую он первоначально хотел защитить в конце 1922 г. Бицилли собирался «непрерывно» выступить на диспуте и использовать эту трибуну «для прославления Вашего (NB и моего собств<енного>) метода интерпретации “текстов” при помощи “перемещения себя внутрь” их автора» и поговорить о том, «насколько это правильно и удобно не только для “философа”, но и для историка. Ведь в сущности вся моя книга <речь идет о готовящейся тогда к публикации книге “Очерки теории исторической науки”, изданной в 1925 г. — И.Г.> посвящена именно проблеме возможности — или невозможности *sich in den Geist der Zeiten zu versetzen* <перемещаться в дух времени, переноситься в дух былых столетий (нем.)>» [7, с. 172].

автобиографии, Г. Петкова подчеркивает главную и для нас мысль: в «Салимбене» Бицилли подходит «к идее индивидуальности, индивидуализации любого культурного феномена» [20]. По мысли исследовательницы,

постепенно Бицилли «переносит» свой метод анализа «особенностей формы» средневековых текстов на художественную литературу Нового времени, особенно заинтересовавшую ученого в годы эмиграции. Именно в литературоведческой практике Бицилли откладываются его медиевистские интуиции [20].

На наш взгляд, интуиции индивидуализации, представленные в «Салимбене», отражаются в более позднем творчестве ученого-гуманитария не только в отношении литературоведения, но и в его модели теории и методологии истории, исторической психологии и герменевтики.

Г. Петкова высказывает и более провокативную мысль об «иохи-митской субституции»:

Францисканский монах Салимбене «обменивается» на Пушкина, к творчеству которого Бицилли постоянно прибегает в эмиграции, и этим жестом разрубаются неразрешимые узлы: размышления о Пушкине составляют арматуру русской идеи, и «разгадать тайну Пушкина» означало бы «дать себе отчет о сущности русской культуры», по словам самого Бицилли [20].

Мысль спорная и касается острого для бициллиеведения вопроса о причинах и истоках трансформации научных интересов и дисциплинарных дрейфов историка по образованию. Этот вопрос стоит обсуждать отдельно и очень детально. Мне здесь важнее добавить некоторые акценты в тезис о символическом обмене Салимбене на Пушкина. Может быть, стоит говорить о взаимодополнительности, о мерцающем «сфумато» («биографическая» метафора Ю.М. Лотмана, когда одно просвечивает сквозь другое, один лик несет на себе отпечаток другого): сквозь Салимбене — Пушкин, сквозь Пушкина — Салимбене... И эта метафора становится когнитивно и эвристически плодотворной, на наш взгляд, именно в свете вариативности и инвариантности автобиографического опыта культуры.

Зачем же нам понадобилось обращаться к «поворотным» прозрениям М. Хайдеггера в работе, посвященной столь далекому от него гуманитария, да к тому же пишущему таким прозрачным, изящным

и легким слогом? Нам видится возможность через Kehre германского мастера, где «поворот» соединяется с опасностью-спасением, осмыслить феномен «неуместного отступления», рискованного для «цеховой науки» («цехового тупоумия», словами самого Бицилли) [7, с. 172], но чреватого выходом на открытый простор, содержащий «прозрение в то, что есть».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Анненкова И.В. Неизгнанная мысль. Филология П.М. Бицилли. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. 148 с.
2. Баткин Л.М. Письма Элоизы к Абеляру. Личное чувство и его культурное опосредование // Человек и культура. Индивидуальность в истории культуры: сб. ст. / отв. ред. А.Я. Гуревич. М.: Наука, 1990. С. 126–163.
3. Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.
4. Валеvский А.Л. Основы биографии. Киев: Наукова думка, 1993. 111 с.
5. Васильева М.А. «Проблематика индивидуальности» в трудах П.М. Бицилли: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 25 с.
6. Галчева Т.Н., Голубович И.В. Забота о себе в опыте русской эмиграции (по материалам эпистолярного наследия П.М. Бицилли) // Мы все в заботе постоянной... Концепция заботы о себе в истории педагогики и культуры: Материалы Международной конференции памяти философа, социолога, психолога Г.В. Иванченко (1965–2009) (НИУ ВШЭ, Москва, 9–11 сентября 2015) / под ред. М.А. Козловой и В.Г. Безрогова. Ч. 1: Постоянство пребывания с собою. М.: Канон+, 2015. С. 83–98.
7. Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”»: П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София: Солнце, 2015. 320 с.
8. Голубович И.В. Биографический акт: на острие жизни и письма (соотношение нарративного и экзистенциального измерений) // Філософські пошуки. Львів; Одеса, 2004. Вип. XVII–XVIII. С. 588–597.
9. Голубович И.В. Биографический подход в современном гуманитарном знании: «двойная гуманитарность» и «любовное созерцание» // От бытия к бытию: грани творчества Галины Иванченко: Сб. науч. ст. и воспоминаний. М.: Высшая школа экономики, 2010. С. 336–350.
10. Голубович И.В. Биография как социокультурный феномен (философ-

- ско-методологический анализ): автореф. дис. ... докт. филос. наук. Одесса, 2009. 40 с.
11. Голубович И.В. Биография. Методология анализа в гуманитарном знании // Эпистемология и философия науки. 2012. № 3. С. 84–97.
 12. Голубович И.В. *Биография: силует на фоне Humanities* (методология анализа в социогуманитарном знании). Одесса: Фридман, 2008. 327 с.
 13. Голубович И.В. Основы теоретической биографистики: Учеб. пособие (для магистров философских факультетов). Одесса: Акватория, 2015. 120 с.
 14. Голубович И.В. П.М. Бицилли и Г.В. Флоровский о формах исторического истолкования // Гуманитарная наука в России и перелом 1917 года: экзистенциальное измерение / под. ред. О.А. Довгополовой и А.А. Каменских. СПб.: Алетейя, 2017. С. 193–206.
 15. Голубович И.В. П.М. Бицилли о феномене автобиографии и «биографический поворот» в современной гуманитаристике // Curriculum Vitae. Одесса: О.С. Фридман, 2010. Вып. 2: Творчество П.М. Бицилли и феномен гуманитарной традиции Одесского университета / под ред. О.А. Довгополовой, И.В. Голубович и др. С. 183–194.
 16. Голубович И.В. «Ситуации», «повороты», «смерти» в языке описания современной культуры // VII Уйомовські читання. Матеріали наукових читань пам'яті Авеніра Уйомова / відп. ред. К.В. Райхерт. Одеса: Одеський національний університет імені І.І. Мечникова, 2019. С. 18–22.
 17. Голубович И.В., Попова Т.Н. Размышление на два голоса. Читаем книгу // ПЕРЕ-ПОСТ: Философский журнал. 2019. № 5. URL: <http://philosophy-multidimensionality.com/index.php/comp> (дата обращения: 15.04.2020).
 18. Ключев А.И., Свешников А.В. П.М. Бицилли и петербургская школа медиовистики. Вместо предисловия // Средние века. 2014. Т. 75, вып. 4. С. 387–394.
 19. Лотман Ю.М. *Биография — живое лицо* // Новый мир. 1985. № 2. С. 228–236.
 20. Петкова Г. Литературоведческий проект П.М. Бицилли: между Салимбене и Пушкиным (Опыт реконструкции) // *Бицилли П. Салимбене и Пушкин* / сост., предговор и бележки Г. Петкова. Варна: Электронно издателство LiterNet, 2004. URL: https://liternet.bg/publish10/gpetkova/proekt_ru.htm (дата обращения: 30.05.2020).
 21. Полонников А.А. «Иконический поворот»: образовательные стратегии и альтернативы // Высшее образование в России. 2013. № 6. С. 127–136.
 22. Попова Т.Н. Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса: М.А. Бондаренко, 2019. 372 с.

23. *Попова Т.Н.* Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: М.А. Бондаренко, 2017. 457 с.
24. *Рудман М.Н.* Л.П. Карсавин и П.М. Бицилли об историческом синтезе. London: Lambert Academic Publishing, 2011. 244 с.
25. *Сафрански Р.* Хайдеггер: германский мастер и его время / пер. с нем. Т.А. Баскаковой при участии В.А. Брун-Цехового; вступ. ст. В.В. Бибикина. М.: Молодая гвардия, 2002. 614 с.
26. *Щитцова Т.В.* К истокам экзистенциальной онтологии: Паскаль, Киркегор, Бахтин. Минск: И.П. Логвинов, 1999. 163 с.
27. *Щитцова Т.В.* Событие в философии Бахтина. Минск: И.П. Логвинов, 2002. 300 с.
28. *Комаров О.* Розчакловуючи Гайдегера. Що таке «поворот»? // *Філософська думка*. 2019. № 3. С. 77–91.
29. *Менжулін В.І.* Біографічний підхід в історико-філософському пізнанні: монографія. Київ: НАУКМА [Аграр Медіа Груп], 2010. 455 с.
30. *Попова Т.М.* Біцилли Петро Михайлович. 1879–1953 // *Одеські історики: Енциклопедичне видання*. Одеса: Друкарський дом, 2009. Т. 1. С. 49–52.
31. *The Linguistic turn. Essays in Philosophical Methods* / ed. and with inthrod. by R. Rorty. Chicago: Chicago University Press, 1967. 416 p.

Источники

32. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
33. *Бицилли П.М.* Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад / сост. Ф.Б. Успенский; отв. ред. М.А. Юсим. М.: Языки славянской культуры, 2006. 808 с.
34. *Бицилли П.М.* Салимбене: (Очерки итальянской жизни XIII века). Одесса, 1916. 389 с. (Зап. Имп. Новорос. ун-та, ист.-филол. ф-та; вып. 12).
35. *Гревс И.* Отзыв о книге П.М. Бицилли «Салимбене»: Очерк итальянской жизни XIII века. Одесса, 1916 / публ. А.И. Ключева и А.В. Свешникова // *Средние века*. 2014. Т. 75, вып. 4. С. 394–405.
36. *Данилов В.* Шпилька Хайдеггера. URL: <https://censura.ru/articles/kehre.htm> (дата обращения: 12.05.2020).
37. *Карсавин Л.П.* Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках (преимущественно в Италии). Пг.: Тип. «Научное дело», 1915. 360 с. (Зап. ист.-филол. ф-та Имп. Петрогр. ун-та).
38. *Лосев А.Ф.* Диоген Лаэртский и его метод // *Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов* / ред. тома и авт. вступ. ст. А.Ф. Лосев; пер. М.Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1986. С. 3–54.

39. Пруст М. Против Сент-Бева: статьи и эссе / пер. с фр. Т.В. Чугунова. М.: ЧеРо, 1999. 222 с.
40. Флоровский Г.В. Метафизические предпосылки утопизма // Флоровский Г.В. Христианство и цивилизация: Избранные труды по богословию и философии / сост. И.И. Евлампиев. СПб.: РХГА, 2005. С. 197–228.
41. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993. 445, [2] с.

REFERENCES

1. Annenkova, I.V. *Neizgnannaia mysl'. Filologiya P.M. Bitsilli* [Unexiled Thought. Philology of P.M. Bitsilli]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2011. 148 p. (In Russian)
2. Batkin, L.M. "Pis'ma Eloizy k Abeliaru. Lichnoe chuvstvo i ego kul'turnoe oposredovanie" ["Letters of Eloise to Abelard. Personal Feeling and its Cultural Mediation"]. Gurevich, A.Ia., editor. *Chelovek i kul'tura. Individual'nost' v istorii kul'tury* [Man and Culture. Individuality in the History of Culture]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 126–163. (In Russian)
3. Birman, M.A. *P.M. Bitsilli (1879–1953). Zhizn' i tvorchestvo* [P.M. Bitsilli (1879–1953). Life and Work]. Moscow, Vodolei Publ., 2018. 444 p. (In Russian)
4. Valevskii, A.L. *Osnovy biografiki* [Basics of Biography Theory]. Kiev, Naukovadumka Publ., 1993. 111 p. (In Russian)
5. Vasil'eva, M.A. "Problematika individual'nosti" v trudakh P.M. Bitsilli ["The Problems of Individuality" in the Works of P.M. Bitsilli]: PhD Thesis, Summary. Moscow, 2009. 25 p. (In Russian)
6. Galcheva, T.N., and I.V. Golubovich. "Zabota o sebe v opyte russkoi emigratsii (po materialam epistolarnogo naslediiia P.M. Bitsilli)" ["Self-Care in the Experience of Russian Emigration (Based on the Materials of the Epistolary Heritage of P.M. Bitsilli)"], ed. by M.A. Kozlova, V.G. Bezrogov. *My vse v zabote postoianno... Kontseptsia zaboty o sebe v istorii pedagogiki i kul'tury* [We Are All in Constant Care... The Concept of Self-Care in the History of Pedagogy and Culture], part 1. Moscow, Kanon+ Publ., 2015, pp. 83–98. (In Russian)
7. Galcheva, Tania N., and I.V. Golubovich. "Ponemnogu prispobliaiushch' k 'nezavisishchim obstoiatel'stvam': P.M. Bitsilli i sem'ia Florovskikh v pervye gody emigratsii" ["Little by Little I Am Adapting Myself to the 'Circumstances beyond Control': P.M. Bitsilli and the Florovskii Family in the Early Years of Emigration]. Sofia, Solntse Publ., 2015, 320 p. (In Russian)
8. Golubovich, I.V. "Biograficheskii akt: na ostrie zhizni i pis'ma (sootnoshenie narrativnogo i ekzistsentsial'nogo izmerenii)" ["Biographical Act: on the Cutting Edge of Life and Writing (Correlation of Narrative and Existential Di-

- mensions)"]]. *Filosofs'ki poshuki* [Philosophical Searches], issue XVII–XVIII. Lviv, Odessa, 2004, pp. 588–597. (In Russian)
9. Golubovich, I.V. "Biograficheskii podkhod v sovremennom gumanitarnom znani: 'dvoinaia gumanitarnost' i 'liubovnoe sozertsanie'" ["Biographical Approach in Modern Humanities: 'Double Humanitarianism' and 'Contemplation in Love'"]. *Ot sobytiia k bytiiu: grani tvorchestva Galiny Ivanchenko* [From Event to Being: the Aspects of Galina Ivanchenko's Work]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2010, pp. 336–350. (In Russian)
10. Golubovich, I.V. *Biografiia kak sotsiokul'turnyi fenomen (filosofsko-metodologicheskii analiz)* [Biography as a Sociocultural Phenomenon (Philosophical and Methodological Analysis)], DSc Thesis, Summary. Odessa, 2009. 40 p. (In Russian)
11. Golubovich, I.V. "Biografiia. Metodologiiia analiza v gumanitarnom znani" ["Biography. Methodology of the Analysis in Humanitarian Knowledge"]. *Epistemologii i filosofii nauki*, no. 3, 2012, pp. 84–97. (In Russian)
12. Golubovich, I.V. *Biografiia: siluet na fone Humanities (metodologiiia analiza v sotsiogumanitarnom znani)* [Biography: Silhouette on the Background of Humanities (Methodology of Analysis in Socio-Humanitarian Sciences)]. Odessa, Fridman Publ., 2008. 327 p. (In Russian)
13. Golubovich, I.V. *Osnovy teoreticheskoi biografistiki* [Basics of the Theory of Biography]. Odessa, Akvatoriia Publ., 2015. 120 p. (In Russian)
14. Golubovich, I.V. "P.M. Bitsilli i G.V. Florovskii o formakh istoricheskogo istolkovaniia" ["P.M. Bitsilli and G.V. Florovsky on the Forms of Historical Interpretation"], ed. by O.A. Dovgoplova, A.A. Kamenskikh. *Gumanitarnaia nauka v Rossii i perelom 1917 goda: ekzistentsial'noe izmerenie* [Humanities in Russia and the Turning Point of 1917: the Existential Dimension]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2017, pp. 193–206. (In Russian)
15. Golubovich, I.V. "P.M. Bitsilli o fenomene avtobiografii i 'biograficheskii povorot' v sovremennoi gumanitaristike" ["P.M. Bitsilli on the Phenomenon of Autobiography and the 'Biographical Turn' in Modern Humanities"]. *Curriculum Vitae*, issue 2: Tvorchestvo P.M. Bitsilli i fenomen gumanitarnoi traditsii Odesskogo universiteta [Work of P.M. Bitsilli and the Phenomenon of the Humanitarian Tradition of Odessa University], ed. by O.A. Dovgoplova, I.V. Golubovich et al. Odessa, O.S. Fridman Publ., 2010. pp. 183–194. (In Russian)
16. Golubovich, I.V. ""Situatsii", 'povoroty', 'smerti' v iazyke opisaniia sovremennoi kul'tury" ["Situations', 'Turns', 'Deaths' in the Language of the Description of Modern Culture"]. *VII Uiomovs'ki chitannia. Materiali naukovikh chitan' pam'iaty Avenira Uiomova* [7th Uiomovsky Readings. Materials of Scientific Readings in Memory of Avenir Uiomov], ed. by K.V. Reichert. Odessa, I.I. Mechnikov Odessa National University Publ., 2019, pp. 18–22. (In Russian)

17. Golubovich, I.V., and T.N. Popova. "Razmyshlenie na dva golosa. Chitaem knigu" ["Thinking in Two Voices. Reading the Book"]. *PERE-POST: Filosofskii zhurnal*, no. 5, 2019. Available at: <http://philosophy-multidimensionality.com/index.php/comp> (Accessed 15 April 2020). (In Russian)
18. Kliuev, A.I., and A.V. Sveshnikov. "P.M. Bitsilli i peterburgskaia shkola medievistiki. Vmesto predisloviia" ["P.M. Bitsilli and the St. Petersburg School of Medieval Studies. Instead of the Foreword"]. *Srednie veka*, vol. 75, issue 4, 2014, pp. 387–394. (In Russian)
19. Lotman, Iu.M. "Biografiia — zhivoe litso" ["Biography — a Living Face"]. *Novyi mir*, no. 2, 1985, pp. 228–236. (In Russian)
20. Petkova, Galina. "Literaturovedcheskii proekt P.M. Bitsilli: mezhdu Salimbene i Pushkinym (Opyt rekonstruktsii)" ["Literary Project of P.M. Bitsilli: Between Salimbene and Pushkin (A Reconstruction Experience)"]. Bitsilli, P. *Salimbene i Pushkin [Salimbene and Pushkin]*. Varna, LiterNet Publ., 2004. Available at: http://litenet.bg/publish/O/gpetkova/proekt_ru.htm (Accessed 30 May 2020). (In Russian)
21. Polonnikov, A.A. "'Ikonicheski povorot': obrazovatel'nye strategii i al'ternativy" ["'The Iconic Turn': Educational Strategies and Alternatives"]. *Vysshie obrazovanie v Rossii*, no. 6, 2013, pp. 127–136. (In Russian)
22. Popova, T.N. *Distsiplinarynyi obraz nauki: podkhody i poniatiia [Disciplinary Image of Science: Approaches and Concepts]*. Odessa, M.A. Bondarenko Publ., 2019. 372 p. (In Russian)
23. Popova, T.N. *Zhizneopisanie uchenogo-istorika na perekrestke istoriograficheskikh traditsii. Teoriia. Metodologiya. Praktika [Biography of a Historian at the Crossroads of Historiographical Traditions. Theory. Methodology. Practice]*. Odessa, M.A. Bondarenko Publ., 2017. 457 p. (In Russian)
24. Rudman, M.N. *L.P. Karsavin i P.M. Bitsilli ob istoricheskom sinteze [L.P. Karsavin and P.M. Bitsilli on Historical Synthesis]*. London, Lambert Academic Publishing, 2011. 244 p. (In Russian)
25. Safranski, Rüdiger. *Heidegger: germanskii master i ego vremia [Heidegger: German Master and his Time]*, transl. from German by T.A. Baskakova with the participation of V.A. Brun-Tsekhovoy, introd. by V.V. Bibikhin. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2002. 614 p. (In Russian)
26. Shchittsova, T.V. *K istokam ekzistentsial'noi ontologii: Paskal', Kirkegor, Bakhtin [To the Origins of Existential Ontology: Pascal, Kierkegaard, Bakhtin]*. Minsk, I.P. Logvinov Publ., 1999. 163 p. (In Russian)
27. Shchittsova, T.V. *Sobytie v filosofii Bakhtina [Event in the Bakhtin's Philosophy]*. Minsk: I.P. Logvinov Publ., 2002. 300 p. (In Russian)
28. Komarov, O. "Rozchaklovuiuchy Heideggera. Shcho take 'povorot'?" ["Dis-

- enchanting of Heidegger. What is a “Turn?”]. *Filosofs'ka dumka*, no. 3, 2019, pp. 77–91. (In Ukrainian)
29. Menzhulin, V.I. *Biografichnyi pidkhid v istoryko-filosofs'komu piznanni* [Biographical Approach in the History of Philosophy]. Kyiv, NaUKMA [Agrar Media Grup] Publ., 2010. 455 p. (In Ukrainian)
30. Popova, T.M. “Bitsilli Petro Mykhailovych. 1879–1953” [“Bitsilli Piotr Mikhailovich. 1879–1953”]. *Odes'ki istoryky: Encyklopedychne vydannia* [Odessa Historians: Encyclopedic Edition], vol. 1. Odessa, Drukars'kyi dom Publ., 2009, pp. 49–52. (In Ukrainian)
31. Rorty, Richard, editor. *The Linguistic Turn. Essays in Philosophical Methods*. Chicago, Chicago University Press Publ., 1967. 416 p. (In English)

Дата поступления статьи: 12 августа 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 14 сентября 2022 г.

Дата публикации: 26 декабря 2024 г.

Received: 12 August 2021

Approved after reviewing: September 14, 2022

Date of publication: December 26, 2024